

Научная статья
УДК 81-25
DOI: 10.18101/2686-7095-2021-1-33-40

**О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
РУССКИХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ
(НА ПРИМЕРЕ МАРКЕРА-ХЕЗИТАТИВА *ЭТО САМОЕ*)**

© Сунь Сяоли

аспирант кафедры русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
sunxiaoli_smile@163.com

Аннотация. В статье описываются хезитативный маркер *ЭТО САМОЕ* (далее ЭС) в русских художественных текстах и способы/приемы его перевода на китайский язык. Этот прагматический маркер обладает высокой частотой встречаемости в устной спонтанной речи, употребляется говорящими бессознательно и рефлекторно, на уровне речевого автоматизма. В реальном речевом употреблении ЭС в основном выступает в качестве хезитативного маркера. Материал настоящего исследования составили 39 употреблений ЭС из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка, в двух его функциональных разновидностях: «чистый» хезитатив и маркер хезитативного поиска. Результат поиска, оформленного с помощью данного маркера, в конкретных контекстах оказывается не одинаков. В некоторых контекстах ЭС является неединственным выразителем колебаний говорящего и выступает «в компании» с другими хезитационными маркерами (*того, как его* и пр.). В китайских переводах было обнаружено три приема перевода этого маркера: (1) ЭС → значимые единицы; (2) опущение ЭС; (3) ЭС → соответствующий китайский маркер. Учет прагматического фактора и применение метода дискурсивного анализа являются важными условиями для достижения адекватности в переводе.

Ключевые слова: «чистый» вербальный хезитатив; маркер хезитативного поиска; художественный перевод; дискурсивный анализ; приемы перевода.

Для цитирования

Сун Сяоли. О способах перевода на китайский язык русских прагматических маркеров (на примере маркера-хезитатива *это самое*) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 1. С. 33–40.

В реальном употреблении в речи местоименное слово *самый* подвергается многим активным процессам, таким как грамматикализация, ресемантизация, идиоматизация и прагматикализация, которые действуют на синхронном срезе одновременно и очевидно связаны друг с другом, что можно наглядно продемонстрировать на веерной шкале переходности [6]. На одном из векторов этой шкалы слово *самый* попадает под действие прагматикализации, в результате которой единица практически утрачивает свое исходное лексическое и/или грамматическое значение, приобретает прагматическое и превращается в прагматический маркер (ПМ) *это самое*, функционирующий в русской речи в различных своих грамматических формах. «Словарь прагматических маркеров русской устной речи», подготовленный к изданию, фиксирует ЭС в функциях хезитатива, разграничительного маркера всех трех типов (стартового, навигационного и финального)

и маркера самокоррекции [4]. При этом чаще всего ЭС выступает в роли маркера хезитативного поиска [4; 1]. Функция хезитации для ЭС легко поддается дальнейшей систематизации, что и будет рассмотрено в настоящей статье.

Художественная речь характеризуется использованием разговорных элементов как средства имитации настоящей устной речи [5, с. 30]. Однако разговорная речь в художественной литературе не всегда адекватно отражает реальную живую речь, что и ставит вопрос о проверке степени такой адекватности, с одной стороны, а также о поиске приемов адекватного перевода такой стилизованной разговорной речи на иные языки, с другой. К тому же большинство существующих исследований прагматических маркеров посвящено в основном функционированию ЭС в контексте русской спонтанной речи [11; 4] и мало связано с художественными текстами¹.

В Китае в настоящее время нет единого стандарта определения и идентификации ПМ [16, с. 61], и большинство исследований ПМ на иностранном языке посвящено английскому языку, в меньшей степени — русскому. В опубликованных работах о русских ПМ нет четкого определения различий между прагматическими и дискурсивными маркерами [15, с. 35]. Применение результатов исследований ПМ в области переводоведения пока не получило широкого распространения [17, с. 114]. Поэтому изучение особенностей функционирования хезитативного маркера ЭС в русских художественных текстах и способов его перевода на китайский язык можно считать актуальным и во многих отношениях перспективным.

Источником материала для настоящего исследования стали 20 русских художественных текстов из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru], содержащих исследуемый хезитативный маркер ЭС, и их китайские переводы. В русскую часть пользовательского подкорпуса вошло 39 исследуемых конструкций, в том числе 37 — в «классической» форме ср. р. ед. ч. *это самое* (94,9%) и две — в форме мн. ч. *эти самые* (5,1%) [7]. В других русских художественных текстах, разумеется, встречаются и некоторые грамматические формы хезитативного маркера ЭС (*эта самая, этот самый, этим самым, для этого самого* и т. п.), но из-за отсутствия параллельных китайских переводных текстов они не были отобраны в качестве источника материала.

В работе были использованы следующие научные методы: метод сплошной выборки; описательный (контекстный) анализ; сопоставительный и дискурсивный анализ.

Хезитативный маркер ЭС в рамках материала пользовательского подкорпуса можно разделить на два типа: «чистый» хезитативный маркер (два случая, 5,1%) и хезитативно-поисковый маркер (37, 94,9%).

¹ Справедливости ради отметим, что в исследовании [3] контекстному анализу подвергается материал не только устной речи, но и художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Никаких попыток связать проводимый анализ с переводом текстов на другие языки авторы, впрочем, не делают, хотя вывод о значимости описания прагматических маркеров устной речи для практики перевода (равно как и для лингводидактики, лингвокриминалистики, лингвистической экспертизы и коллоквиалистики в целом) в этой и других работах данного авторского коллектива делается постоянно (например, [4]).

«Классическим» видом ЭС является форма ср. р. ед. ч. (*это самое*), хотя часто встречаются и прочие формы данной конструкции, иногда мотивированные грамматически — формой того слова, маркером поиска которого и является ЭС. При отсутствии такой мотивации чаще используется «классическая» форма, она же в первую очередь служит выражением «чистой» хезитации» [3, с. 285]:

1) *А вы бы уж как-нибудь того... это самое... Куда-нибудь подальше, подальше, в чащу бы, либо в овраг* [Шишков В. Я. Емельян Пугачев. Кн. 1. Ч. 1–2 (1934–1939)]

• *那你们就该动脑筋嘛.....干这种事.....得上远一点的地方, 远一点的地方去, 到密林里面去办, 要不就躲到沟壑里去干。* [希什科夫著; 戴骢, 任重译. 普加乔夫 第1卷下] (ЭС — *干这种事 гань чжэ чжун ши* ‘делаете такое дело’);

2) *Ведь для него мама — как это называется... Ведь он — мамин, это самое... Это гадкие слова, не хочу повторять* [Пастернак Б. Л. Доктор Живаго (1945–1955)]

• *“妈妈是他的.....这话怎么说呀.....他是妈妈的.....这种肮脏的字眼儿, 我真说不出口。”*[帕斯捷尔纳克著; 力冈, 冀刚译. 日瓦戈医生] (ЭС не переведен).

В примерах (1)–(2) поиска слова фактически нет, здесь ЭС функционирует как «чистый» вербальный хезитатив. В приведенных контекстах говорящий какие-то слова почти сознательно не произносит. С одной стороны, как можно предположить, он считает позорным и неудобным произносить их публично (1). С другой стороны, иногда он нарочно избегает употребления слишком вульгарного выражения (объяснение автора об этом в примере (2) подчеркнуто). Отметим, что речевое колебание выражено здесь только маркером ЭС или «в компании» с маркером *того* (1).

В примере (1) ЭС было переведено как предикативная единица *干这种事 (гань чжэ чжун ши* ‘делаете это дело’), а в примере (2) ПМ не был переведен вообще.

Легче оказалось анализировать и систематизировать употребление ЭС в хезитационно-поисковой функции, поскольку хезитация может «возникнуть у говорящего в случае поиска разных лексических средств для дальнейшего продолжения монолога» [3, с. 205]. На самом деле результат поиска в конкретных контекстах бывает разным.

Иногда слово или выражение в результате поиска так и остается не найденным. По данным проведенного анализа, в 12 из 37 контекстов с ЭС в этой функции (32,4%) поиск оказался неудачным. То, что поиск все же производился, подтверждает наличие самого маркера, а также других компонентов грамматической структуры монолога, ср.:

3) *Дед твой там, это самое, — Сейдахмат неопределенно покрутил руками в воздухе.* [Айтматов Ч. Белый пароход (1970)]

• *“你外公就在那里, 真的, ”*谢大赫玛特的两手在空中划了一圈, 叫人弄不清是什么意思。[艾特玛托夫著; 力冈译. 白轮船] (ЭС — *真的 чжэнь дэ* ‘правда / действительно’);

4) *Митя Горелов вдруг поманил ребят к себе и вполголоса сказал, что неплохо бы объявить Фису это самое... Он долго стучал себе по лбу, забыв нужное слово.* [Мусатов А. И. Большая весна (1957)]

• 米佳突然把孩子们招到自己面前，小声说，这样倒不坏，向薩文宣告……
他在额头上敲了好一会儿，想不起那要说的字眼。 [穆萨托夫著；鲁宾译. 大地春回] (ЭС не переведено);

5) *Он колхозу нужен, как архиерею это самое...* [Шолохов М. А. Поднятая целина. Кн. 1 (1932)]

• 集体农场需要正像主教需要他的…… [萧洛霍夫著；立波译. 被开垦的处女地] (ЭС — 他的 *та дэ* ‘его’).

В контекстах (3)–(5) поиск, очевидно, неудачен, искомое слово или выражение не найдено. В примерах (3)–(4) после ЭС оба автора (двух разных художественных произведений) подробно описали процесс припоминания искомого слова (в примерах подчеркнуто). В последнем примере (5) ЭС является компонентом сравнительного оборота, в составе которого нужное слово так и осталось найденным¹.

Что касается перевода, то во всех трех приведенных примерах было использовано два приема: а) ЭС → значимые единицы (наречие *真的 чжэнь дэ* ‘правда / действительно’; личное местоимение *他的 та дэ* ‘его’) и б) прием опущения ЭС.

В оригинальных русских текстах в 25 случаях из 37 (67,6%) проведенный говорящим гезитационный поиск оказался вполне удачным. Приведем несколько типичных примеров:

б) *Самое главное, это самое... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание...* [Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Ч. 1 (1933)]

¹ По наблюдениям исследователей, в случаях, когда конструкция ЭС входит в состав сравнительного оборота, «нахождение имени почти и не предполагается», ср. примеры: [3, с. 213–214]: *и вот // Лукашенко сидел там как этот самый* [значит] *и все вывешивали там флагами этими* (САТ); [№ 2, муж, 32] *Ему уже говорят / ты определись / что ты вообще там как это самое* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2004]; [Солнце, жен] *Если тебе хочется / чтобы я тебя поревновала... ну / извините / ну никак...* [Май, муж] *Ты как эта самая...* [Солнце, жен] *Ну / никак / никак / Май / никак!* [Реалити-шоу «Дом-2» на телеканале ТНТ (2006)]; [Служащий заповедника, муж] *Вон / вот сюда // [Мужчина 2, муж] Как / как эти самые* [Слава, муж, 37] *Главное / он дочиста / он дочиста их так вычищает вообще* [В заповеднике // ДВГУ, База данных «Речь дальневосточников», 2009]; [Карина, жен, 19] [смех] [Дара, жен, 19] *Пойдём как эти самые / огородами-огородами?* [Карина, жен, 19] *Оно с той стороны...* [Разговор студенток на прогулке // Практика, 2008]. По мнению авторов, «фактически здесь мы имеем дело с неким устойчивым оборотом, свойственным только разговорной речи и выражающим в разных текстах разное, зачастую трудноопределимое, значение» [3, с. 214]. С учетом этого наблюдения говорить о «неудачном» поиске в контексте (5) уже не приходится. Заметим еще, что, по наблюдениям авторов того же исследования, «конструкции с ЭС без искомого имени существительного носят подчеркнuto разговорный характер и... встречаются почти исключительно в расшифровках устной речи, а не в ее письменной фиксации в художественных текстах» [3, с. 214]. В нашем материале подобный устойчивый оборот со сравнительной конструкцией встретился именно в тексте художественного произведения, причем довольно давнего по времени создания (1932 г.). Можно предположить, что М. А. Шолохов хорошо владел умением передавать в своих книгах живую разговорную речь, которую он вкладывал в уста героев.

Сун Сяоли. О способах перевода на китайский язык русских прагматических маркеров (на примере маркера-хезитатива *это самое*)

• **最重要的是这个**.....不要什么童犯教养院，你该明白，要的是社会教育.....[马卡连柯著；磊然译. 教育诗] (ЭС — **这个** чжэ гэ ‘это’);

7) **Именно это** внушает мне глубокую веру **в это самое**, как его, **в окончательное торжество дела**, которому мы с вами посвятили наши жизни [Леонов Л. М. Русский лес (1950–1953)]

• **正是这一点**，**噫**，使我对**那个**，对我我为之贡献生命的事业及其最后胜利，充满了信心。[列·列昂诺夫著. 俄罗斯森林 (下)] (ЭС — **那个** на гэ ‘то’);

8) **Вот что**, брат, я слышал, ты там ругаешься сильно... **вот что**, твоей трудовой школе дали **это самое**... **губсовнархоз**... [Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Ч. 1 (1933)]

• “喂，老弟，我听说你在大骂.....说竟把这个省人民经济委员会给你的劳动学校做校址.....” [马卡连柯著；磊然译. 教育诗] (ЭС не переведен);

9) **Просто их увели эти самые**... **стрекулисты**... **то есть**... **тьфу!**.. **ветрогонь**, а не **стрекулисты** [Носов Н. Незнайка в Солнечном городе (1958)]

• **只是这些骗子**.....把驴夸大了.....这就是.....见鬼！是骗子，.....而不是二赖子。[尼古拉·诺索夫著；李悠然译. 小无知游太阳城 (下)] (ЭС — **这些** чжэ се ‘эти’);

10) **А сейчас он, это самое, мясо варит** [Айтматов Ч. Белый пароход (1970)];

• **这会儿他正在烧肉呢**，**真的**。[艾特玛托夫著；力冈译. 白轮船] (ЭС — **真的** чжэньдэ ‘правда’);

11) **ты о работе не беспокойся**, будь здесь сколько надо времени, и, **это самое**, **ты бы отдохнула немножко**... [Панова В. Ф. Времена года. Из летописей города Энска (1953)]

• “你别为工作操心，需要在这里呆多久，你就呆多久；你最好能休息一下，**这是最主要的**.....” [潘诺娃著；白嗣宏译. 一年四季] (ЭС — **这是最主要的** чжэ ши цзуй чжу яо дэ ‘это самое главное’).

В примере (6) ЭС сопровождается протяженным пояснением «от противного» (*не какая-нибудь там колония малолетних преступников*) и метакоммуникативным маркером *понимаешь*, что также можно рассматривать как средство создания разговорности. В этом контексте сохраняется довольно большая дистанция между ЭС и искомым именем существительным (*социальное воспитание*). В контекстах (6), (7), (9) можно наблюдать грамматическую гармонию ЭС и найденного слова (*это самое* — *социальное воспитание*; *в это самое* — *в окончательное торжество дела*; *эти самые* — *стрекулисты*). Поисковая функция хезитации в примере (7) поддерживается еще и другим вербальным хезитативом (*как его*).

В примере (8) найденное имя (*губсовнархоз*) — м. р., а исследуемый ЭС стоит в форме ср. р., т. е. здесь налицо дисгармония форм вербального хезитатива и найденного имени.

В контекстах (10)–(11), в отличие от всех предыдущих, объектом поиска является не имя существительное, а целая предикативная единица: *он, это самое, мясо варит*; *и, это самое, ты бы отдохнула немножко*. Здесь о грамматической гармонии или дисгармонии говорить не имеет смысла, и отчасти поэтому используется именно «классическая» форма ЭС — ср. р. ед. ч.

В целом в примерах (6)–(11) было использовано три приема перевода.

Во-первых, ЭС был переведен как значимые единицы: указательное местоимение 这些 *чжэ се* ‘эти’ в примере (9); наречие 真的 *чжэнь дэ* ‘правда / действительно’ в примере (10); предикат (не действие) 这是最主要的 *чжэ ши цзуй чжу яо дэ* ‘это самое главное’ в примере (11).

Во-вторых, прием опущения ЭС — в примере (8).

В-третьих, в примерах (6)–(7) переводчикам удалось найти соответствующие китайские ПМ: 这个 *чжэ гэ* ‘это’ и 那个 *на гэ* ‘то’. Маркеры 这个 *чжэ гэ* ‘это’ и 那个 *на гэ* ‘то’ очень часто встречаются в китайской разговорной речи, и их позиция в предложении относительно гибка. Они практически утрачивают денотативное значение и не играют никакой роли в семантике высказывания [13, с. 70]. В ходе коммуникации говорящий часто использует 这个 *чжэ гэ* ‘это’ или 那个 *на гэ* ‘то’, чтобы сохранить связность речи и избежать длительных пауз. В то же время употребление таких ПМ подразумевает, что говорящий еще не придумал, что сказать дальше. В этом случае 这个 *чжэ гэ* ‘это’ обычно произносится «чжэй гэ», а 那个 *на гэ* ‘то’ — «нэй гэ» [12, с. 25]. Такие маркеры часто повторяются или растягиваются до тех пор, пока говорящий не найдет подходящее слово или выражение [14, с. 52].

Количественное соотношение трех использованных приемов перевода оказалось следующим: (1) ЭС → значимые единицы (20 случаев, 51,3%); (2) опущение ЭС (11, 28,2%); (3) ЭС → китайский ПМ (8, 20,5%). По этим данным видно, что большинство переводчиков игнорирует существование ПМ в оригинальном русском тексте и переводит их значимыми словами или выражениями. Индивидуальная манера переводчика оказывает большое влияние на отбор языковых средств в переводе. В примерах (3) и (10) переводчик дважды слепо копировал при переводе наречие 真的 *чжэнь дэ* ‘правда / действительно’, без учета к текста оригинала. Некоторые переводчики ощущают существование ЭС и осознают утрату его лексического значения, но не могут найти соответствующих китайских аналогов, поэтому просто опускают ПМ в переводе. Мало кому удается точно определить наличие ПМ и его функции в русском тексте и использовать в переводе аналог ПМ на китайском языке.

«Прагматический фактор является одним из наиболее важных “фильтров”, определяющих не только способ реализации процессов перевода, но и сам объект передаваемой информации» [10, с. 178]. В коммуникативно-синтаксической организации художественного переводного текста отражено действие образа переводчика (воплощение переводческой стратегии интерпретации оригинального текстового устройства в отборе и сочетании средств) [8, с. 243]. Установка на воспроизведение прагматического потенциала оригинального текста и стремление переводчика обеспечить желаемое воздействие на рецептора (реципиента) перевода оказывают большое влияние на ход и результат переводческого процесса [9]. ПМ в художественных произведениях встречаются достаточно часто, и их правильное (адекватное оригиналу) употребление может приблизить художественную речь к повседневной разговорной речи. «Дискурс-анализ предстает как инструмент декодирования интенций отправителя сообщения с учетом синхронизации всех лингвистических факторов коммуникативного акта, тем самым выступающая как основной этап переводческого процесса» [2, с. 5]. Прежде чем при-

ступить к переводу, переводчик должен не один раз перечитывать оригинал и проводить дискурсивный анализ с полным учетом контекстных факторов. В этом видится значимость проведенного исследования.

Литература

1. Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Диалог-2000: труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино: Изд-во РГГУ, 2000. С. 67–73. Текст: непосредственный.
2. Дашинимаева П. П., Гунсурунова А. В. Метафорический интерпретативный репертуар дискурс-анализа как инструмент предперевода (на примере лирики И. Э. Клюканова) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. Вып. 4. С. 3–11. Текст: непосредственный.
3. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллект. монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / М. В. Калинкина, А. И. Кислощук, Н. Г. Кутруева и др.; отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2015. 364 с.
4. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. Москва: Языки славянской культуры, 2021. 405 с. В печати.
5. Рыжова Н. В. Изучение разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2003. № 1. С. 29–34.
6. Сунь Сяоли. Слово *самый* как компонент устойчивых сочетаний в русском языке и речи // Когнитивные исследования языка. 2021а. № 3 (46). В печати.
7. Сунь Сяоли. Функционирование хезитативного маркера *ЭТО САМОЕ* в русских художественных произведениях и способы его перевода на китайский язык // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XIV Международной научной конференции, посвященной 120-летию проф. Н. Н. Прокоповича. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021б. В печати.
8. Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики: монография. Москва: Спутник+, 2009. 293 с.
9. Филология в системе современного гуманитарного знания: учебное пособие / под ред. Т. В. Чернышовой и А. А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 200 с.
10. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика: учебник. Москва: Воениздат, 1973. 280 с.
11. Gorbunova D. A. Spontaneous Oral Speech From the Psycholinguistic Side: Pragmatemes in the Speech of Informants with a Different Psychotype // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 73–82.
12. 李恒. 话语标记语“这个”和“那个”的语用功能分析. 文教资料 (Ли Хэн. Анализ прагматических функций дискурсивных маркеров «чжэ гэ» и «на гэ» // Культурно-просветительские материалы). 2011. 第 32 期: 25–26.
13. 刘丽艳. 口语交际中的话语标记. 浙江: 浙江大学 (Лю Лиянь. Дискурсивные маркеры в устной коммуникации. Чжэцзян: Изд-во Чжэцзянского университета), 2005.
14. 许家金. 汉语自然会话中话语标记“那(个)”的功能分析. 语言科学 (Сюй Цзяцзинь. Функциональный анализ дискурсивного маркера «На (гэ)» в китайском естественном разговоре), 2008. 第 1 期: 49–57.
15. 许宏. 俄语话语词 НУ 在言语交际中的语用功能. 中国俄语教学 (Сюй Хун. Прагматическая функция русского дискурсивного слова НУ в речевой коммуникации) // Обучение русскому языку в Китае. 2005. № 4. С. 35–40.

16. 张帅丹, 卢加伟. 国内语用标记语研究——综述与展望[J]. 中国民航飞行学院学报 (Чжан Шуайдань, Лу Цзявэй. Отечественные исследования прагматических маркеров: обзор и перспектива // Вестник ун-та гражданской авиации Китая). 2020, 第4期: 61–66.

17. 周家春. 国外语用标记语研究概观[J]. 安庆师范学院学报 (Чжоу Цзячунь. Обзор зарубежных исследований прагматических маркеров // Вестник Аньцинского пед. ин-та). 2010, 第2期: 112–114.

18. <http://www.ruscopora.ru/> (дата обращения: 08.03.2021). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 24.11.2020; одобрена после рецензирования 28.01.2021; принята к публикации 25.03.2021.

ON WAYS OF TRANSLATING RUSSIAN PRAGMATIC MARKERS INTO CHINESE
(ON THE EXAMPLE OF HESITATIVE MARKER *ETO SAMOE*)

Sun Xiaoli

Research Assistant,

Saint Petersburg University

11 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

sunxiaoli_smile@163.com

Abstract. The article describes the hesitant marker *ETO SAMOE* (ES) in Russian literary texts and the ways of translating it into Chinese. This pragmatic marker has a high frequency of occurrence in oral spontaneous speech, it is used by speakers unconsciously and reflexively at the level of speech automatism. ES mainly acts as a hesitant marker in its real speech use. The material of the present research consisted of 39 uses of ES from the main subcorpus of the Russian National Corpus in two of its functional varieties: “pure” hesitant and hesitant-search marker. The search result of using this marker are not the same in specific contexts. Sometimes, ES in some contexts is not the only expression of the speaker’s hesitation (“in company” with other hesitant markers *togo*, *kak ego*, etc.). Three ways of translating this marker were found in Chinese translations: (1) ES → significant units; (2) omission of the ES; (3) ES → corresponding Chinese marker. Taking into account the pragmatic factor and applying discourse analysis are important conditions for achieving adequacy in translation.

Keywords: “pure” verbal hesitation; hesitant-search marker; literary translation; discourse analysis; ways of translating.

For citation

Sun Xiaoli. On Ways of Translating Russian Pragmatic Markers into Chinese (on the example of hesitant marker ‘*eto samoe*’). *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2021; 1: 33–40 (In Russ.).

The article was submitted 24.11.2020; approved after reviewing 28.01.2021; accepted for publication 25.03.2021.